
ВИЗАНТИЯ ЕВРОПА РОССИЯ

социальные практики
и взаимосвязь духовных
традиций

Архив конференции
Выпуск 1

Санкт-Петербург
2021

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН

Русская христианская гуманитарная академия

**ВИЗАНТИЯ, ЕВРОПА, РОССИЯ:
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
И ВЗАИМОСВЯЗЬ ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ
АРХИВ КОНФЕРЕНЦИИ**

Выпуск 1

Материалы международной научной конференции
(Санкт-Петербург, 1–2 октября 2021 года)

Санкт-Петербург
Издательство РХГА
2021

УДК 1:2
ББК 86:87
В42

Утверждено к печати Ученым советом ФНИСЦ РАН

Рецензенты:

канд. соц. наук *Р.Г. Браславский*
д-р филос. наук, доц. *И.В. Кузин*

Редакционная коллегия:

О.Н. Ноговицин (отв. ред.), Е.А. Маковецкий, А.А. Иваненко,
А.Д. Пантелеев, А.В. Малинов, О.Ю. Гончарко, А.А. Сеницын

В42 **Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Выпуск 1:** материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 1–2 октября 2021 г.) / Отв. ред. О.Н. Ноговицин; ФНИСЦ РАН; РХГА. — СПб.: Издательство РХГА, 2021. — 484 с.

ISBN 978-5-89697-381-2

DOI: 10.19181/conf.978-5-89697-381-2.2021

В издании представлены статьи по материалам докладов международной научной конференции «Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций», прошедшей 1–2 октября 2021 г. в Социологическом институте РАН — филиале ФНИСЦ РАН и Русской христианской гуманитарной академии. Конференция была посвящена интеллектуальной истории трех основных комплексов практик цивилизационного развития в европейском, средиземноморском и евро-азиатском регионах в исторических истоках их возникновения и существования — Византийской, Западноевропейской и Русской цивилизаций, а также цивилизаций, входящих в ареалы их влияния и взаимодействия.

Статьи адресованы специалистам по философии, социологии, теологии, истории, филологии, политическим наукам, искусствоведению.

УДК 1:2
ББК 86:87

ISBN 978-5-89697-381-2

© Авторы, текст 2021
© ФНИСЦ РАН, 2021
© Издательство РХГА, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	7
РУССКАЯ МЫСЛЬ МЕЖДУ ВИЗАНТИЗМОМ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ	
<i>Грякалов А.А.</i> Об одном изводе русского письма: интенция и дискурс	11
<i>Исаков А.Н.</i> Достоевский и Ницше: два образа сверхчеловека	30
<i>Фарафонова Д.С.</i> Парадокс самоотрицающего разума: Достоевский и Паскаль	35
<i>Капилули С.М.</i> Недоразумение между традицией и традиционализмом в русской культуре – препятствие к необходимому диалогу Востока и Запада	48
<i>Иванов Н.Б.</i> Язык идей и язык вещей: к особенностям русского перевода	64
<i>Мирошниченко Е.И.</i> «Архаическое православие»: об одном эпизоде рецепции богословского наследия А.С. Хомякова в русской религиозной философии	74
<i>Лурье В.М.</i> Аполлон Григорьев, а не Ф.М. Достоевский как автор анонимной рецензии на «Стихотворения А.С. Хомякова (1861)» в журнале братьев Достоевских «Время»	79
<i>Даренский В.Ю.</i> Трансформация образа Византии в русской историософии	84
<i>Бирюков Д.С., Хахалова А.А.</i> Два «византистских» проекта девятнадцатого века и один двадцатого: И.В. Киреевский, К.Н. Леонтьев, П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев	102
<i>Ищенко Н.С.</i> Возвращение короля или воцарение самозванца? Византийский прообраз истории Лжедмитрия I	110
<i>Маковецкий Е.А.</i> За что К.Н. Леонтьев не любил всеобщее благо?	118

<i>Петрова Л.А.</i>	Имяславская формула «Имя Божие есть Бог» в понимании С.Н. Булгакова	125
<i>Тонковидова А.В.</i>	Соборность в социальной реальности постсекулярного общества (на материалах философии С.Н. Булгакова и П. Флоренского)	132
<i>Гравин А.А.</i>	Лингвофилософские основания и тенденции имяславия	140
<i>Бирюков Д.С.</i>	Пушкин как имяславец: к вопросу о контексте этой темы у Вячеслава Иванова	146
<i>Шиян А.А.</i>	Теория познания Н.О. Лосского в контексте гносеологических идей его времени	153
<i>Тимофеев А.И.</i>	Бакунин П.А.: одна из российских версий прочтения философии Запада	162
<i>Ноговицин О.Н.</i>	Проект богостроительства как квази-религиозная модификация марксистской теории действия и политическая технология	170
<i>Гравин А.А.</i>	Энергичность в постсимволизме Алексея Лосева и Михаила Бахтина в интерпретации Людмилы Гоготишвили	183
<i>Березовская И.П.</i>	Экзистенциально-феноменологическая интерпретация Другого в философии М. Бахтина и Ж.-П. Сартра	189
<i>Хахалова А.А.</i>	Византийские мотивы в аффективных аффордансах супрематизма (Казимир Малевич)	195
<i>Гравин А.А.</i>	Классификация русского символизма в ранних работах Людмилы Гоготишвили	208
<i>Васильева Е.А., Рубцова М.В.</i>	Социальные практики российской государственной службы: преемственность и трансформация	212
<i>Левинская Я.В.</i>	Аксиологический дискурс в современной России: к проблеме рецепции традиционализма	223

ЕВРОПЕЙСКАЯ МЫСЛЬ ОТ НОВОГО ВРЕМЕНИ К МОДЕРНУ И ЕЕ РЕЦЕПЦИИ

<i>Гашков С.А.</i> Спиноза в XX веке: духовность и практика. Отечественный и французский опыт	239
<i>Гусев Д.О.</i> Необходимость восприятия и восприятие необходимости в учении Дж. Беркли	256
<i>Шевцов А.В.</i> Философия Л.Г. фон Якоба в трактате «Доказательство бессмертия души из понятия долга»	267
<i>Иваненко А.А.</i> И.Г. Фихте и религия	281
<i>Муравьев А.Н.</i> Понятие религии и современность в лекциях Гегеля по философии религии	288
<i>Ляшко И.А.</i> Наследие немецкой классической философии в русской мысли XX века: Э.В. Ильенков и М.А. Лифшиц	294

ВИЗАНТИЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ И СЛАВЯНСКОМ КОНТЕКСТАХ

<i>Даниш М., Плашиенкова З.</i> Византологические исследования в Словакии (истоки и историография)	307
<i>Пантелев А.Д.</i> Евсевий Кесарийский и мученики: от Диоклетиана к Константину	319
<i>Варламова М.Н.</i> Как устроена материя одушевленного: представление о теле как подлежащем души у Александра Афродисийского и Иоанна Филопона	330
<i>Баранов В.А.</i> Элементы антиохийской экзегетической традиции в «Комментариях на Книгу Бытия» Прокопия Газского	343

<i>Ноговицин О.Н.</i>	Понятия «природы», «сущности», «ипостаси» и «лица» в византийском богословии начала — середины VI века: интерпретация 21–22 параграфов 7 главы «Арбитра» Иоанна Филопона и второй половины 1 главы «Против несториан и евтихиан» Леонтия Византийского	360
<i>Щукин Т.А.</i>	Неизданный фрагмент Дионисия Ареопагита из славянского компендиума «О небеси» (Син. 951) и византийские дискуссии о количестве небес в VI веке	388
<i>Черноглазов Д.А.</i>	Иллюзия присутствия друга? Замечания об одном этикетном мотиве в письмах Максима Исповедника	398
<i>Тоноян Л.Г.</i>	Эволюция Древа Порфирия в средние века	409
<i>Воробьев В.В.</i>	Иоанн Дамаскин «Диалектика»: элементы нового перевода	424
<i>Макаров Д.И.</i>	Рассел, Буццати и логика паламизма: деонтологический и теоретико-множественный аспекты (Об одном частном примере пересечения диалектического и богословского дискурсов)	431
<i>Костин Н.О.</i>	Эпистолярный жанр как кросс-культурный механизм философской мысли: переписка Геннадия Схолария и Георгия Бранковича	437
<i>Курбанов А.В., Спиридонова Л.В.</i>	Сочинения Герасима Влаха по риторике	445
<i>Гучнинский М.Г., Семиколенных М.В.</i>	<i>Medici opera</i> Павла Эгинского (Венеция, 1567) из личной библиотеки Я.В. Виллие	455
<i>Акишин С.Б.</i>	Репрезентация богословских споров первого тысячелетия н.э. в романе У. Эко «Баудолино»: аутентичность и новый взгляд	468

ЕВСЕВИЙ КЕСАРИЙСКИЙ И МУЧЕНИКИ: ОТ ДИОКЛЕТИАНА К КОНСТАНТИНУ*

ПАНТЕЛЕЕВ

Алексей Дмитриевич

Кандидат исторических наук, доцент.
Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: a.panteleev@spbu.ru

Ключевые слова:

раннее христианство, преследования, мученичество, агиография, Евсевий Кесарийский.

Цель статьи — анализ отношения Евсевия Кесарийского к явлению мученичества и мученикам первых трех веков истории христианства. У Евсевия есть свой собственный взгляд на «правильное» и «неправильное» мученичество, роль этого явления в истории христианства и отношениях с Римской империей, и самое главное, на место мучеников и исповедников в Церкви. В статье демонстрируется, как Евсевий меняет акценты в рассказах о мучениках, какая система ценностей декларируется в «Церковной истории» и в какой степени она соотносится с ранними агиографическими текстами. Он не преуменьшал значение мученичества, но при этом обращал большее внимание на другие формы свидетельства о Христе — проповедь, полемику с еретиками и язычниками, литературную деятельность. Это отношение к мученичеству, переносящее акцент со смерти во имя Бога на повседневное служение и исповедание Бога своей жизнью, сближает Евсевия с александрийской традицией, отраженной в сочинениях Климента, Оригена, Петра и Афанасия. Мученики для Евсевия — важная часть образа прошлого Церкви, а не настоящего и тем более не будущего.

Сочинения Евсевия Кесарийского «Церковная история» и «О Палестинских мучениках» имеют большое значение для изучения самых разных аспектов раннего христианства, в том числе феномена мученичества. Из них мы получаем уникальные сведения о мучениках, иногда Евсевий сообщает подробности, отсутствующие в других источниках, в его трудах рассказывается о некоторых мучениках, принадлежавших к еретическим течениям, в то время как другие церковные писатели умалчивали о них (Panteleev 2014). Наконец, исследователи

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44180.

пользуются данными Евсевия как «тестом на подлинность» ранних мученичеств: если мученик упоминается в ней, то рассказ о его казни почти автоматически начинает считаться подлинным (Rebillard 2017). Однако, труды Евсевия ценны не только этими данными, но и авторской позицией: у него есть свой взгляд на «правильное» и «неправильное» мученичество, на важность этого феномена в истории христианства и самое главное, на место мучеников и исповедников в Церкви.

Анализ темы мученичества в «Церковной истории» требует прежде всего понимания, для какой аудитории писал Евсевий, ее взглядов, образования, социального статуса и религиозной принадлежности. В наше время два полюса этой дискуссии представлены теориями Д. Мендельса, который считал, что книга была написана для обычных иудеев и язычников, готовых принять религию Христа (Mendels 1999), и М. Вердонер, утверждающей, что Евсевий обращался к образованной элите внутри Церкви (Verdoner 2010). Вторая точка зрения более верная, так как в этом сочинении содержится очень мало сведений об основах христианства, но масса информации, имеющей значение для верующих: преемства епископов, ереси и расколы, списки сочинений христианских писателей, рассуждения о составе Священного Писания и пр. Кроме того, Евсевий часто без пояснений говорит о том, что могут знать только люди, хорошо знакомые с евангельским рассказом, и самое главное, не ставящие его под сомнение. В пользу высокого положения читателей свидетельствует сложность его языка и объем труда, который делал книгу дорогой и малодоступной для небогатой аудитории. Посвящение X книги «Церковной истории» епископу Тира Павлину дает возможность еще более сузить круг потенциальных читателей «Церковной истории» до верхушки христианского клира.

Первая редакция «Церковной истории» была подготовлена в 312–313 гг., когда для Церкви только установился мир, но возможно, что еще и раньше, до окончания гонений, а ее окончательный вариант увидел свет в 324–325 г. (Corke-Webster 2019, 57–61). В любом случае, имеющаяся версия текста создана в эпоху победившего христианства. Новый период ставил новые задачи, главной из которых был пересмотр отношений с Римским государством, лишь недавно преследовавшем христиан, и одним из связанных с этим вопросов, требовавших пересмотра, была роль мучеников и исповедников в общинной жизни: их авторитет иногда мог перевешивать влияние епископа, а чрезмерный ригоризм по отношению к отступникам вести к расколам. Здесь следовало быть очень осторожным, так как было важно не задеть формирующийся культ святых, затем, не вызвать раздражения у тех, кто пережил Великое гонение, а кроме того, никто не мог гарантировать

вечность наступившего мира, и память о героях былых времен должна была сохраняться как образец для подражания (Panteleev 2020).

Что делает Евсевий? Он не молчит о мучениках, наоборот, он много и охотно о них рассказывает, но когда мы можем сопоставить его сообщения с сохранившимися аутентичными мученичествами, заметно, как по-разному в них расставлены акценты (Panteleev 2020). Мученики у Евсевия «удивительно тихи»: они говорят мало и редко, не произнося апологий и не оскорбляя римских магистратов. В некоторых эпизодах мы слышим только слова тех, кто был рядом с ними, как в рассказе о Лионских мучениках (HE V, 1) или о воине Марине (VII, 15) (Corke-Webster 2019, 179; Panteleev 2019). Это контрастирует с текстами сохранившихся актов: именно во время суда происходило исповедание, и иногда верующие произносили целые речи в защиту своей религии. Евсевий знает об этом, он рассказывает об Аполлонии и Пионии, в составе мученичеств которых сохранились большие выступления (IV, 15, 47; V, 21, 4). Евсевию они известны, но он их не приводит, отсылая к своему собранию древних мученичеств. Для Евсевия доблесть мученика не в речах, а в героическом перенесении пыток, квинтэссенция этого — Санкт, который с нечеловеческим мужеством переносил страдания, не назвав палачам ни имени, ни происхождения, но отвечал на все вопросы «Я христианин» (V, 1, 20–23) (Panteleev 2017).

При описании мучеников Евсевий обращает внимание на их пастырские достоинства: мягкость, готовность прощать даже доносчиков и отступников, утешение и наставление братьев, молитвы не за себя, а за верующих всего мира. Если им принадлежали какие-то сочинения, об этом рассказывается особо, и иногда эти заслуги перевешивают значение смерти за Христа. Подвиг исповедничества и мученичества для Евсевия очень ценен, но в отличие от Игнатия или Тертуллиана, он не считает его целью жизни христианина. Отсюда отношение к бегству во время гонений: оно не осуждается, а изображается вполне допустимым и даже необходимым, когда результаты продолжения жизни — сочинения, пастырское руководство, миссионерство, борьба с еретиками — превышают мощный, но разовый эффект мученичества. Иногда эти бегства прямо оправдываются Божьим замыслом: «А что все это было по Божиему Промыслу, это стало ясно из дальнейшего, и мы тут кое-кому оказались полезны».

Видное место в «Церковной истории» занимает жизнеописание Оригена. Основное внимание Евсевия сосредоточено не на мученичестве великого александрийца, а на его интеллектуальных занятиях. Конечно, рассказ начинается с описания смерти его отца Леонида и желания пострадать вслед за ним, и там часто встречаются сюжеты,

связанные с мученичеством, однако намного важнее его преподавание в училище и литературная деятельность. Когда во время гонения Деция Ориген оказался в темнице, Евсевий рассказывает о происшедшем всего в нескольких строках (VI, 39, 5). Труды Оригена как пастыря, писателя и педагога были намного важнее исповедания: мучеников много, а Ориген один.

Это отношение к мученичеству, переносящее акцент со смерти во имя Бога на повседневное служение и исповедание Бога своей жизнью сближает Евсевия с александрийской традицией, отраженной в сочинениях Климента, Оригена, Петра и Афанасия (McGuckin 1993; Leemans 2003). Климент ни в одном из своих произведений не призывает читателя к мученичеству. Толкуя слова Христа «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой», Климент указывает на то, что христианину не следует становиться причиной дел, навлекающих зло на других, т.е. преследователей, и нет греха в том, чтобы укрыться. Те же, кто выдает себя властям по своей воле, оказывается виновен в том, что вынудил гонителей казнить себя (Strom. IV, 10). Позиция Оригена менее однозначна. С одной стороны, в «Увещевании к мученичеству» он прославляет его и заявляет о его необходимости для каждого христианина, так как оно — «второе крещение», смыывающее все грехи, совершенные после первого. С другой, он оправдывает человеческую слабость и недостаток духа как причины бегства и говорит, что при всех выгодах, которые приносит мученическая смерть, все же не следует безоглядно рисковать собой (IX Hom. Jud., 1; Comm. Jo., XXVIII, 192; Comm. Matt. X, 23; XVI, 1; cf. C. Cels., I, 65). Зачем искать опасности, если ее можно легко избежать, при этом не дав совершить грех преследователям? Необходимо дожидаться своего часа, отведенного Господом, и тогда возложить все надежды на Бога и смело свидетельствовать о своей вере. Дионисий, подобно Оригену, подчеркивает важность Божьей воли, которая укажет момент. Он сам бежал по Божьему велению и считал бедствия, которые пережили скрывшиеся, — голод, жажду, жару и холод, — равными пыткам, которым подвергались мученики и исповедники (Eus. HE, VI, 42, 2). Наконец, Петр Александрийский († 311) тоже указывает на то, что инициатива должна проявляться преследователями, поэтому не стоит выдавать себя гонителям. В 9 Правиле он говорит, что в бегстве нет ничего дурного, так как и апостолы бежали для того, чтобы благовествовать, учить слову Божьему и утверждать братьев в вере: они стремились не к своей пользе, а выгоде многих. Евсевий продолжил эту традицию. Он мало говорит о небесной награде, ждущей мучеников, терпимо относится к бегству и ставит литературную и пастырскую

деятельность, направленную на пользу всей общины, выше личного подвига мученика.

Преследования привели к появлению не только мучеников и бегавших, но и отступников (Wilson 2004). До середины III в. эта тема привлекала лишь спорадическое внимание церковных авторов, но гонение при Деции все изменило. Одни иерархи утверждали о невозможности принять отступников обратно, вторые считали, что их можно вернуть после покаяния, третьи — что они могут быть допущены, как только получают прощение от исповедника. Самые острые формы эта дискуссия приобрела в Риме и Карфагене, в первом приведя к расколу Новациана, во втором — к спору Киприана и исповедников. Евсевий категорически не одобряет жесткость Новациана. Он вообще не любит раскольников, но несомненно и определенное сочувствие Евсевия к отпавшим. Он осуждает Новациана и его последователей за гордыню и надменность, а его мнение называет «братоненавистническим и бесчеловечным» (VI, 43, 1–2), но это сочувствие проявлялось и раньше. Здесь нужно вспомнить «очень поучительный» рассказ об Иоанне, заимствованный из «Кто из богатых спасется» Климента Александрийского, где апостол смог вернуть в Церковь сбившегося с пути юноши, и позже тот стал епископом (III, 23, 5–19; cf. Clem. Alex. Quis. div., 42). В Лионе мученики смогли добиться раскаяния отступников, и те исповедовали себя христианами (V, 2, 5–7), а Пионий «ласково обращался с павшими в испытаниях гонения» (IV, 15, 47). Наконец, в панегирике в X книге сам Евсевий прямо говорит: «Если же некоторые от угроз тиранов (императоров-гонителей. — А.П.) и упали духом, то спасительное слово и их не оставляет без помощи, но исцеляет их» (X, 4, 35).

В этом вопросе взгляды Евсевия совпадают с мнением Киприана, но вряд ли он был хорошо знаком с его сочинениями. Более вероятно влияние на него посланий Дионисия. Рассказав о непростой судьбе тех, кто скрывался от преследований в пустыне, Дионисий обратился к вопросу об отступниках. Их простили будущие мученики, и он спрашивает, сохранить ли в силе их решение. Его позиция очевидна: «Оскорбим ли их (исповедников. — А. П.) доброту и отменим приказ?» (VI, 42, 6). С его точки зрения, добросовестное раскаяние и деятельное покаяние способно вернуть отступивших в общину, и в подтверждение этого он приводит историю старца Серапиона, долгое время жившего безупречно, но павшего в гонение и не прощенного. Когда он умирал, к нему не смог прийти заболевший священник, но послал ему Причастие, вкусив которое, старец скончался. «Не ясно ли, что он был сохранен и удерживаем на земле, пока не будет прощен? И так как грех его

был стерт многими хорошими делами, то его и можно было считать христианином» (VI, 44, 6).

Мы полагаем, что целью всех этих замечаний и намеков Евсевия было не умаление мученического подвига, а возвышение других образцов служения и свидетельства о Христе, вызванное наступлением новой эпохи мира с государством и прекращением гонений (по крайней мере, в среднесрочной перспективе). Важным критерием здесь оказывается то, как много верующих получают пользу от деятельности человека, и впереди мученичества здесь оказываются уже названные литературное творчество и пастырское служение. Мученик спасает свою душу и служит примером и назиданием другим, но чтобы его слава сохранялась, нужно, чтобы кто-то записал рассказ о его смерти, а кто-то поддерживал традицию ежегодного празднования его небесного рождения (отметим, что сам Евсевий удачно совмещает обе эти функции). Все это — различные способы свидетельства о Христе, и не стоит сводить все к суду и казни.

Следует обратить внимание на то, что в «Церковной истории» практически не встречаются чудеса, связанные с мученичествами. Они упоминаются только в рассказе о Поликарпе (IV, 15) и Потамие-не и Василиде, где мученица является во сне воину (VI, 5, 6). Видения о скором мученичестве и явления Господа, ангелов и ранее казненных мучеников христианам во время тюремного заключения — частый сюжет в ранних агиографических сочинениях, и то, что Евсевий не желает подробно распространяться об этом, вряд ли случайно. В «Церковной истории» чудеса не встречаются в таком количестве, как рассказы о мучениках, но при этом нельзя сказать, что их вовсе нет. Наоборот, чудеса, скорее, связываются с избавлением от мученичества: апостол Петр «чудесным образом» спасен ангелом для продолжения проповеди, так же чудесно Десница Господня спасает от язычников в Александрии молодого Оригена, и Господь указывает путь Дионисию при его бегстве (Panteleev 2020). Евсевий, ничего не говоря о чудесах, связанных с мучениками, лишает их особой харизмы: они остаются бесстрашными образцами истинной веры, но все же обычными людьми, не имеющими какого-то особых даров.

Евсевий часто обращает внимание на социальный и экономический статус мучеников. Из числа погибших в Лионе он выделяет Аттала, «столпа местной общины» (V, 1, 17; 43). Говоря об Аполлонии, Евсевий отмечает, что тот был известен своим философским образованием, богат и знатен (V, 21), Марин также был «родовит и богат» (VII, 15), об Астии сообщается, что он был «римским сенатором, любимцем императоров, известным всем знатностью и богатством» (VII, 16). При помощи

этих указаний Евсевий решает две задачи. Первая — доказательство того, что богатство не создавало особых трудностей для верующих. Прекращение гонений привело к увеличению числа обеспеченных людей среди прихожан, и священникам — целевой аудитории «Церковной истории» — пришлось столкнуться с недоверием, возникшим еще много лет назад (Panteleev 2020). Указание Евсевия, что и среди мучеников есть люди богатые и образованные, должно было смягчить остроту этой проблемы и показать, что состояние не помеха на пути в Царство Божье.

Второй задачей было опровержение представления, что в то время, как простые люди гибли во время гонений, богачи и интеллектуалы упражнялись в области литературы и риторики. Евсевий при помощи этих примеров показывает своим современникам-исповедникам, что благодать просияла на всех, а низкое положение не делает их лучше образованной верхушки христианского сообщества и не дает им исключительных прав на наследие погибших героев. Кроме того, подвиг богатого мученика, вероятно, в его глазах был ценнее, чем бедного, и здесь Евсевий может опереться на ясно выраженную позицию Оригена, прямо указывающего на большую заслугу богатых мучеников, переступивших через привязанность не только к телу и жизни, но и к имуществу (Countryman 1980, 131–148). Таким образом, и здесь он не выступает прямо против мучеников, но проводит ревизию устоявшихся взглядов.

Итак, Евсевий, не привлекая особого внимания к этой теме, но последовательно переосмысливает феномен мученичества, его значение для Церкви и альтернативные модели поведения при гонениях, превращая ранее недопустимое и презируемое во вполне возможное, а при соблюдении некоторых условий, и похвальное. На наш взгляд, основными причинами этого пересмотра стало, с одной стороны, изменение характера отношений между Церковью и Римом, а с другой, непропорционально большое с точки зрения высших священников место, которое мученики и исповедники заняли после Великого гонения.

Современные ученые часто обращают внимание на «подрывной» потенциал агиографической литературы по отношению к существующей системе социальных отношений в целом и к империи в частности (Sullivan 1997; Moss 2014). В текстах II–III вв. римляне часто проявляли подобие симпатии к верующим, уговаривая их отступить и сохранить жизнь, или даже пытались прийти к какому-нибудь компромиссу, который позволил бы мученику выполнить требования властей, не переступая через свои идеалы. Диалог подсудимых и судей, иногда людей одного круга, был столкновением не садиста-наместника

и добродетельного христианина, а двух систем, римского государства и Церкви, и то, что магистраты терпели в нем символическое поражение, демонстрировало крах системы правосудия и идеологии, стоявшей за ней. То, что было хорошо для эпохи гонений, перестало годиться для времени мира, и Евсевий превращает это противостояние систем в столкновение праведника и негодяя, облеченного властью. Он часто подчеркивает жестокость пыток и казней, которым судьи подвергали христиан, чего практически нет в сохранившихся мученичествах. Корке-Вебстер указывает на то, что «карикатурные, иррациональные и звероподобные» римские магистраты в «Церковной истории» часто очень далеки от «спокойных и разумных арбитров ранних мученичеств», и это не случайно. Эти люди явно были недостойны своих должностей, только они ответственны за происходившие зверства, и Евсевий осуждает именно их, а не систему в целом. Это происходит и при цитировании агиографических текстов: в «Церковной истории» оказывается опущено окончание «Мученичества Поликарпа», где прямо противопоставляются «выдающийся мученик» и «несправедливый правитель», побежденный стойкостью христианина (Corke-Webster 2019, 193).

Что касается внутрицерковного аспекта проблемы — большого влияния исповедников, — то это был старый большой вопрос. И на Востоке, и на Западе они обладали особой духовной властью, которая позволяла самостоятельно прощать многие грехи, в том числе отступничество. Эта духовная власть была основой их авторитета, который никак не зависел от церковной иерархии. Они могли принимать такого рода решения сами по себе, никак не советуясь с епископами и игнорируя сложившуюся церковную практику. После Великого гонения их число многократно выросло, и их излишняя твердость или, наоборот, мягкость, вступая в противоречие с принятыми на соборах решениях, ставила под сомнение единоличную епископскую власть. Еще один фактор, который необходимо принять во внимание, это то, что начало IV в. — время ожесточенных догматических споров вокруг Троицы, и в ситуации конфликта внутри Церкви заслуги исповедников могли придавать больший вес их словам, а в глазах простых верующих они могли быть значительнее тонких, но непонятных умствований образованных теологов. Именно поэтому Евсевий старался показать, что мученичество — это не критерий истины, ведь мученики есть и среди еретиков, а те, кто бежал или даже отступился, тоже не являются пропавшими людьми.

Евсевий связывает воедино славное прошлое и блестящее будущее Церкви. Он много и охотно говорит о мучениках и исповедниках, но для него они — герои уже ушедшей эпохи. Христиане всегда будут

помнить об их подвиге, однако их время прошло, и теперь от верующих требуются иные добродетели — искусство проповеди, нетерпимость к ересям и расколам, интеллектуальные упражнения, толковое управление общиной. Они ставятся Евсевием в «Церковной истории» на один уровень с мученичеством, причем одновременно он делает несколько шагов к пересмотру его значимости. Источником гонений были не императоры, а дьявол и местные магистраты (Tabbernee 1997; Krivushin 1998, 76–78; Vashshceva 2006, 137–148); цезари, напротив, еще с «толерантных законов» Антонинов пытались остановить это беззаконие (Eus. HE IV, 9; IV, 13; V, 5). Кроме того, Евсевий признавал возможность бегства, указывая, что при определенных обстоятельствах отступничество может быть оправдано, да и само мученичество не обязательно оказывается необходимым, ведь часто большим благом для Церкви оказывалось продолжение жизни талантливого писателя, проповедника или миссионера. Все это было одним из средств трансформации гонимой Церкви эпохи Диоклетиана в Церковь торжествующую.

ЛИТЕРАТУРА

- Ващева, И.Ю. (2006), *Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма*. СПб.: Алетейя.
- Кривушин, И.В. (1998), *Ранневизантийская церковная историография*. СПб.: Алетейя.
- Пантелеев, А.Д. (2014), “Есть много мучеников и в других ересях: мученичество в неортодоксальном христианстве II–III вв.”, *Религия. Церковь. Общество* 3: 156–175.
- Пантелеев, А.Д. (2017), “Для упражнения и подготовки тех, кто намеревается: ранние агиографические тексты как наставления для христиан”, *Диалог со временем* 58: 125–140.
- Пантелеев, А.Д. (2019), “Мученичество святого Марина (Eus. HE, VII, 15)”, *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23: 834–842.
- Пантелеев, А.Д. (2020), “Мученики и мученичество в ‘Церковной истории’ Евсевия Кесарийского”, *Электронный научно-образовательный журнал ‘История’* 11.4 (90). URL: <https://history.jes.su/s207987840009847-0-1/>
- Corke-Webster, J. (2019), *Eusebius and Empire. Constructing Church and Rome in the Ecclesiastical History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Countryman, L.W. (1980), *The Rich Christian in the Church of the Early Empire: Contradictions and Accommodations*. New York; Toronto: Edwin Mellen Press.
- Krivushin, I.V. (1998), *Early Byzantine Church Historiography*. St. Petersburg: Aletheia Publ. (in Russian).
- Leemans, J. (2003), “The Idea of ‘Flight for Persecution’ in the Alexandrian Tradition from Clement to Athanasius”, *Origeniana Octava. Papers of the 8th International Origen Congress*, vol. 2, 901–910. Leuven.

- McGuckin, J.A. (1993), "Martyr Devotion in the Alexandrian School: Origen to Athanasius", in D. Wood (ed.). *Martyrs and Martyrologies*. Oxford, 35–45.
- Mendels, D. (1999), *The Media Revolution of Early Christianity: An Essay on Eusebius' Ecclesiastical History*. Grand Rapids: William B. Eerdmans.
- Moss, C. (2014), "Resisting Empire in Early Christian Martyrdom Literature", in J.A. Dunne, D. Batovici (eds.) *Reactions to Empire. Sacred Texts in their Socio-Political Contexts*, 147–161. Tübingen.
- Panteleev, A. (2014), "Some of the heresies have a great many martyrs: Martyrdom in the non-orthodox Christianity (2nd–3d centuries)", *Religion. Church. Society* 3: 156–175. (in Russian.)
- Panteleev, A. (2017), "For the Training and Preparation of Ones to Come: Early Hagiographic Texts as Instructions for Christians", *Dialogue with Time* 58: 125–140. (in Russian.)
- Panteleev, A. (2019), "The Martyrdom of St. Marinus (Eus. HE, VII, 15)", *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 17: 668–679. (in Russian.)
- Panteleev, A. (2020), "Martyrs and Martyrdom in Eusebius' Church History", *ISTORIYA* 11.4 (90). URL: <https://history.jes.su/s207987840009847-0-1/> (in Russian.)
- Rebillard, E., ed. (2017), *Greek and Latin Narratives about the Ancient Martyrs*. Oxford: Oxford University Press.
- Sullivan, L.M. (1997), "I Responded, I Will Not...: Christianity as Catalyst for Resistance in the Passio Perpetuae et Felicitatis", *Semeia* 79: 63–74.
- Tabbernee, W. (1997), "'Eusebius' Theology of Persecution As Seen in the Various Editions of His Church History", *Journal of Early Christian Studies* 5: 319–334.
- Vashshceva, I.Yu. (2006), *Eusebius of Caesarea and the formation of Early Medieval Historicism*. St. Petersburg: Aletheia Publ. (in Russian.)
- Verdoner, M. (2010), "Überlegungen zum Adressaten von Eusebs Historia ecclesiastica", *Zeitschrift für Antikes Christentum* 14: 362–378.
- Wilson, S.G. (2004), *Leaving the Fold. Apostates and Defectors in Antiquity*. Minneapolis: Fortress Press.

EUSEBIUS OF CAESAREA AND THE MARTYRS: FROM DIOCLETIAN TO CONSTANTINE

PANTELEEV, Aleksey D.

PhD in History, Associate Professor.
St. Petersburg State University.

E-mail: a.panteleev@spbu.ru

Keywords: Early Christianity, Roman Empire, Persecutions, Martyrdom, Eusebius of Caesarea.

The aim of the paper is to analyze the attitude of Eusebius of Caesarea to the phenomenon of martyrdom and the martyrs of the first three centuries of Christian history in the "Church History" and "On the Palestinian Martyrs". Eusebius has his own view of "true" and "false" martyrdom, the role of this

phenomenon in the history of Christianity and relations with the Roman Empire, and on the place of martyrs and confessors in the Church. The paper shows how Eusebius changed the emphasis in the stories about martyrs, what system of values is declared in the “Church history” and to what extent it correlates with the early hagiographic texts. Eusebius didn’t understate the importance of martyrdom, but at the same time paid more attention to other forms of testimony about Christ — preaching, polemics with heretics and pagans, and literary activity. This attitude to martyrdom, which shifts the emphasis from death in the name of God to the daily service and confession of God by life, brings Eusebius closer to the Alexandrian tradition reflected in the writings of Clement, Origen, Peter, and Athanasius. For Eusebius martyrs were important part of the past of Christianity, not of the present, much less of the future.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 21-011-44180.

DOI: 10.19181/conf.978-5-89697-381-2.2021.32